

Ли Цунцин и Вэй Сяомяо с группой людей одолели путь в тысячи ли, они плелись почти месяц, прежде чем, наконец, добрались до границы с Чунанью. Когда они остановились у гостиницы, где собирались переночевать, чтобы подготовиться к завтрашнему путешествию в Чунань, к их удивлению, седьмой принц Сун Вэй уже ждал их там.

— Скромный подданный Ли Цунцин почтительно приветствует седьмого принца.

— Этот недостойный слуга отдает дань уважения седьмому принцу.

Ли Цунцин и Вэй Сяомяо, поклонившись седьмому принцу, поприветствовали его.

— Сяомяо, ты наконец-то пришел, — глаза седьмого принца сияли, когда он смотрел на Вэй Сяомяо. Сразу же Ли Цунцин исчез из его поля зрения, стал для него невидимым человеком.

— Седьмой принц, давно не виделись. Император поручил этому недостойному слуге навестить вас от его имени, — Вэй Сяомяо почтительно приветствовал его, с величайшей учтивостью опустив голову и не глядя на принца прямо.

Ли Цунцин, стоявший рядом, явно мог ощутить странную атмосферу между ними. Хотя он привык подметать снег у своей двери*, но при виде такого поведения седьмого принца, будто тот, глядя на Вэй Сяомяо, собирается одним махом проглотить белого кролика, если он не поможет Сяомяо выйти из этого затруднительного положения, он просто не сможет оправдать себя.

[П/п: *"подметает снег у своей двери" — занимается своими делами].

— Кхм, кхм... Принц, господин Вэй ехал целый день, конечно, он проголодался, обессилел и устал, — Ли Цунцин не сказал, что он сам тоже голоден и устал, потому что седьмой принц ранее одарил его ледяным взглядом "мне плевать на все это монаршее дерьмо!"

Услышав его слова, седьмой принц приказал принести им еды. Он также сел поесть вместе с ними. Тем не менее, казалось, что тот, кого он на самом деле хотел бы поглотить, был Вэй Сяомяо.

Вэй Сяомяо поспешно закончил есть, будто еда была безвкусной, и приказал нескольким людям приготовить горячую воду для ванны господина Ли, отнести ее в его спальню, чтобы с готовностью помочь ему помыться и переодеться.

Лицо седьмого принца стало суровым до предела. Его глаза, когда он посмотрел на Ли Цунцина, яростно сверкнули, как будто он хотел лишить его жизни.

Ли Цунцин не удивился и не испугался, он оставался спокойным и невозмутимым, до такой степени, что хотел похвастаться перед седьмым принцем: "Иногда Сяомяо и я спали вместе в

одной комнате, спящее лицо Сяомяо настолько сладкое и милое, хе-хе-хе..."

Но увеличение неприятностей едва ли уменьшит количество хлопот. Лучше не бросать вызов ревнивому сердцу седьмого принца.

Спокойно и непринужденно приняв ванну, он взобрался на кровать. Это случилось впервые: он на самом деле... не мог уснуть?! Он метался и поворачивался из стороны в сторону, как рыба на сковороде. Жарящаяся в течение некоторого времени рыба уже сторела, а Чжоу-гун все еще не нанес ему визит. Он накинул верхнюю одежду и вышел из своей комнаты понаблюдать за звездами в небесах.

Глядя на небо, наполненное мерцающими звездами, он не мог не вспомнить моменты, когда они вместе с императором наблюдали за ними. Он любил крепко прижиматься к императору, как человек без костей, или класть голову на колени императора, наблюдая за созвездиями. Словами или безмолвно говорить про сказки о звездах. Его возлюбленный император всегда усмеялся, не глядя на небо, а глядя на него.

"Он тоже сейчас смотрит на звезды на этом небосклоне? — вздох. — Я действительно скучаю. Если он не будет скучать по мне так же сильно, как я по нему, то, когда я вернусь, я, несомненно, доставлю ему немало хлопот своим упрямством".

От этих мыслей Ли Цунцин не смог сдержать улыбку. Он вовсе не был своенравным или тщеславным человеком, он был упрямым исключительно в отношениях с императором. Также император всегда проявлял по отношению к нему несметное количество терпения, смиренно подчиняясь его выпадам (за исключением случаев, когда они находились в постели).

Вместе смиренно подчиняемся выпадам... пф-ф-ф. В конце концов, он не смог сдержать вырвавшийся наружу смех: "Пф-ф-ф". Почему великий и могучий, мудрый и блестящий Его Величество император стал тем, кто всегда получает от него упреки, ха-ха-ха!

В сердце Ли Цунцина назрело сладкое, как мед, чувство, отчего горечь любовной тоски немного отступила. С большим трудом сонливость, наконец, пришла к нему, он повернулся, чтобы вернуться в спальню.

Внезапно краем глаза он заметил кого-то, выходящего из комнаты Вэй Сяомяо. В итоге два человека столкнулись друг с другом.

— Принц, — поклонился Ли Цунцин, сложив руки на груди.

— М-гм! — выражение лица седьмого принца было таким неприглядным, когда он равнодушно ответил ему. Проходя мимо, он оставался все таким же безразличным к Ли Цунцину.

— Принц, скромному подданному есть что сказать. Если это вызовет ваше неудовольствие,

прошу проявить великодушие, — сказал Ли Цунцин ему в спину.

— Насчет чего? — седьмой принц остановился, бросив на него косой взгляд.

— Насильно сорванный плод не будет сладкими, силой сорванный цветок быстро завянет.

— Хм! — сильно фыркнув, он ушел, встряхнув рукавами.

Ли Цунцин вернулся в свою спальню, забрался в кровать, похлопал подушку и откинулся на спинку: сон, сон... Наконец пришел Чжоу-гун и постучал в дверь.

Рано утром следующего дня, проснувшись, он увидел, что Вэй Сяомяо все так же, как и раньше находился в его комнате, готовый ждать, когда он встанет с кровати.

Ли Цунцин случайно мельком увидел несколько небольших беспорядочных красных следов на шее Вэй Сяомяо, словно кто-то засосал его кожу. Он был знаком с подобными отметинами. Император часто оставлял такие на его теле.

После того, как он умылся, причесался и оделся, он мимоходом сказал:

— Сяомяо, можешь принести мне шарф?

— Да, — Вэй Сяомяо порылся в багаже и достал темно-синий с цветочным узором шелковый шарф. Он собирался помочь Ли Цунцину обернуть его вокруг шеи. Но Ли Цунцин просто взял шарф, аккуратно обернул вокруг тонкой шеи Вэй Сяомяо, прикрыв сомнительные отметки.

Вэй Сяомяо вздрогнул.

— Мне не подходит расцветка этого шарфа, — небрежно сказал Ли Цунцин.

— Этот недостойный слуга возьмет еще один для вас.

— Нет необходимости. Как только я увидел шарф, понял, что не смогу носить его. Если я его повяжу, то буду выглядеть, как обезьяна в шарфе, — неловко посмеявшись над собой, он добавил: — Я смотрю, в этой Чунани суровая природа и, куда ни кинь взгляд, повсюду дикие, необузданные люди, все это бессмысленно. Проведем инспекцию, сделав пару кругов, и тотчас уедем отсюда.

— Господин Ли... — нерешительно хотел что-то сказать Вэй Сяомяо.

— Что такое?

— Этому недостойному слуге, возможно, придется задержаться здесь на какое-то время, прежде чем уехать.

— Император приказал остаться?

— Нет...

— Ты сам решил остаться?

Вэй Сяомяо ничего не сказал.

— Сяомяо, ты уверен, что хочешь остаться здесь?

— Я... — покачивание головы. — Я не знаю.

— Тогда за эти дни тщательно все обдумай. Никто не сможет тебя заставить, и ты тоже не ставь себя в затруднительное положение, — Ли Цунцин похлопал его по плечу и больше ничего не сказал. Он был посторонним человеком. У него не было ни положения, ни статуса, чтобы вмешиваться.

Пробыв рядом несколько лет, он знал, что даже при том, что на поверхности Вэй Сяомяо обладал такой тонкой внешностью, внутри он был крепче, чем кто-либо еще. К тому же, он очень сообразительный, умный человек. Если же нет, то как он мог стать главным управляющим Внутреннего дворца? Кроме того, он защищал секрет между ним и императором так надежно, что ни одна капля воды не просачивалась наружу.

Такой, как Вэй Сяомяо, умелый, обстоятельный и предупредительный, действительно хочет остаться в этих бесплодных землях юга? Забудь! Это вообще не его дело. Почему он должен слишком много думать об этом? Что за характер у Вэй Сяомяо? Нужно ли ему безосновательно беспокоиться? Через несколько дней он отправится в Эрхе навестить третьего брата, поиграет с парой очаровательных племянников, а потом вернется домой.

По крайней мере, он должен приехать в столицу до начала зимы.

После того, как его ранил "Досточтимый князь, героический господин, старший брат-убийца", место на плече, где была рана, холодными зимами иногда пульсировало от боли. Император растирал ему холодный, старый рубец и согревал, накрыв его ладонью.

"М-мм, вернись к возлюбленному до начала зимы, попроси его обнять тебя, чтобы пережить, казалось бы, очень долгие зимние месяцы".

Ли Цунцин боялся холода. Заседания ранними зимними утрами мучили его. В большом зале аудиенции было выставлено много обогревателей, но он стоял близко к двери. Ледяной воздух, способный заморозить кости, лился на его спину, заставляя постоянно дрожать и сжиматься. Спящий червь замерзнет во время зимней спячки, не так ли?

Сун Ю, конечно, заметил это. Он не отдавал никакого конкретного приказа. Тем не менее, Вэй Сяомяо — довольно умелый, обстоятельный и внимательный человек — на следующий день украсил толстой занавесью обе стороны дверей большого зала, чтобы она висела там, даже когда двери будут широко открыты.

Дверь в большом зале аудиенций состояла из шести створок, которые нельзя было распахнуть простым рывком, их снимали полностью. Во время утренних заседаний дверь была распахнута, после суда она снова закрывалась. Даже зимой. Но отныне с того дня каждую зиму были открыты только две створки посередине, а створки слева и справа оставались закрытыми. Вэй Сяомяо также специально поставил обогреватель рядом с Ли Цунцином, чтобы не заставлять его страдать от холода.

Его спина теперь была скрыта от зимних ударов, возле него теплились обогреватели, не хватало только расстеленной ткани с подушкой и одеялом на полу. На зимних утренних заседаниях стало тепло и уютно. Спящий червь был реанимирован и снова ожил. Наблюдая за тем, как Ли Цунцин снова начал засыпать, император не смог удержаться от легкой улыбки, притаившейся в уголках его губ.

Придворные праздновали Китайский Новый год с начала весеннего фестиваля до Праздника фонарей*. Однако некоторым высокопоставленным чиновникам не разрешалось покидать столицу в течение этого времени: они должны были быть готовы служить императору в любое время, когда их призовут. Так что иметь звание высокого чиновника на самом деле не так уж и замечательно — двадцать четыре часа весь год в режиме ожидания вызова.

[П/п: *Китайский Новый год (или Праздник весны) — первый день праздника в Китае приходится на второе новолуние после зимнего солнцестояния (то есть после 21 декабря). В григорианском календаре это, как правило, соответствует одному из дней между 21 января и 21 февраля. Празднование обычно продолжается 15 дней. Праздник фонарей — проводился на 15 день первого месяца по лунному календарю, знаменовал окончание Праздника весны].

Но это вообще не затрагивало Ли Цунцина. Остальные министры из шести правлений должны были по очереди выполнять свои должностные обязанности. Проводя свои дежурства чрезвычайно праздно, чиновники обычно собирались вместе поиграть в шахматы или делали ставки в карточной игре, чтобы скоротать время.

Девятого числа первого месяца Ли Цунцин и два других чиновника среднего ранга получили свою очередь дежурить в Министерстве обрядов. Ли Цунцин, как обычно, вздремнул. Два других чиновника среднего ранга были вызваны в Министерство транспорта и ирригации.

Посреди крепкого сна вдруг кто-то похлопал его по плечу и позвал:

— Господин Ли, господин Ли.

Ли Цунцин с усилием открыл глаза, неторопливо сел прямо, моргнул не полностью открывшимися глазами, посмотрел на человека.

— Господин Вэй, что случилось?

— Его Величество просит вас прибыть в храм Байху, — сказал Вэй Сяомяо.

— Смиренный подданный получил приказ, — Ли Цунцин спокойно и неторопливо поднялся, очень медленно поправил одежду и головной убор. Он совершенно не торопился, ничуть не волнуясь, что высший по рангу император его ждет.

Вэй Сяомяо, очень терпеливо ожидая, не сказал ни слова, чтобы поторопить его.

Начало весны, остатки снега еще не полностью растаяли, воздух был очень холодным. Прямо перед тем, как они вышли за дверь, Вэй Сяомяо развернул шерстяное, с неподрубленными краями, императорское пальто пурпурного цвета и тщательно укутал в него Ли Цунцина. Шерсть тибетской антилопы была мягкой на ощупь и теплой.

— Спасибо, — посмотрев ему в глаза, поблагодарил Ли Цунцин.

— Господин Ли слишком вежлив. Его Величество приказал этому недостойному слуге специально дать это вам.

Ли Цунцин замолчал, вместе с Вэй Сяомяо они вышли за дверь Министерства обрядов. Несмотря на то, что он был завернут в шерстяное пальто, ледяной воздух все еще проникал в легкие, когда он дышал, и он не мог унять дрожь от холода.

Пройдя немного, они вошли в храм Байху. Внутри храма пионы уже распускались один за другим. Каждый из возвышающихся пурпурных бутонов и каждый красивый желтый бутон претендовали на то, чтобы стать самым роскошными. Испуская какой-то неземной морозный аромат, они пышно цвели.

Вэй Сяомяо повел его по узкой тропинке цветочного сада к бамбуковому павильону. Два года назад Ли Цунцин пришел именно в это место и сорвал пион, который выращивал император, чтобы подарить ему его.

Императоры Дашао каждый год должны были лично сажать пион и молиться о благословении предков, о процветании и благополучном будущем нации. Сейчас император держал в руках ножницы, тщательно обрезая стебель и листья цветущего пиона посреди павильона. Бутон был величиной с детский кулак, и нетрудно было представить, каким удивительным и ослепительным он будет, когда расцветет. Красочная корона с великолепным ароматом.

— Смиренный подданный приветствует Ваше Величество, — Ли Цунцин стоял снаружи павильона, приветствуя императора поклоном, соединив руки.

Император не отложил ножницы, он продолжил обрезать целую ветку с листом, когда сказал:

— Вот этот пион, который вы выбрали два года назад. Изначально я думал, что раз его сорвали, он больше не вырастет. Никогда бы не подумал, что через два года появится новый бутон. Бутон гораздо лучше предыдущего.

— Это происходит только благодаря великому благословию Вашего Величества.

Император повернулся к нему лицом и слегка улыбнулся:

— Всякий раз, когда вижу его, я вспоминаю об удивительном пионе того года.

— Скромному подчиненному стыдно.

— Я не вижу ваше чувство стыда, вы очень спокойны и невозмутимы.

— Скромный подчиненный не смеет.

— Ли Цунцин, как вы думаете, цветок лучше сорвать и украсить им комнату или лучше позволить ему засохнуть естественным образом на своей ветке? — спросил император, казалось, он косвенно что-то подразумевал.

— Ответ Вашему Величеству. Несмотря на то, что существует поговорка, что сорванный цветок может выдержать некоторое время, однако, выносливость сорванного цветка, конечно, не может сравниться с продолжительностью жизни цветка, растущего на своем стебле.

— Значит... — император положил ножницы, нежно лаская бутон пиона. — Поместить цветок вместе с почвой в горшок, а затем украсить им комнаты — это лучший вариант, не знаю, согласится ли министр Ли с моей идеей?

Ли Цунцин некоторое время молчал, а затем почтительно ответил:

— Слова Вашего Величества хороши. Это действительно лучше всего.

Император, казалось, все еще хотел что-то сказать, но его прервало уведомление, донесшееся откуда-то издалека:

— Достопочтенные принцы, принцесса и наложницы императора просят аудиенции.

Вскоре после этого вошли трое детей и несколько красиво одетых дам.

Если говорить о женах императора, то обычно в гареме было множество красавиц. Но у правящего императора гарем вовсе не состоял из бесчисленных красавиц. Только когда он вззошел на престол, в знак уважения к предкам, он взял четырех наложниц, и никто еще не был выбран в качестве императрицы. Позже, каждый год, в соответствии с предписанием императорского гарема, двадцать четыре красавицы отбирались для входа во дворец. Но только те, кто получил визит императора, могли остаться в качестве императорской наложницы или фэй. Если они входили во дворец и в течение года все еще не получали императорского визита, то, следуя правилам, оставаясь нетронутым, они возвращались к семье и получали развод, чтобы впоследствии они могли вступить в брак.

За шесть лет до сего дня осталось только четверо красавиц, дополнив прежних четырех императорских наложниц — в настоящее время император имел всего восемь жен. Среди них трое подарили императору двух сыновей и дочь, что несравнимо с большим количеством детей предыдущих поколений. Очевидно, что недостаточное количество потомства заставляло многих людей прилагать тщетные усилия, ломая голову, как представить своих дочерей для входа во дворец, а затем использовать это в качестве предложения, чтобы укрепить свои силу и влияние.

Теперь, в присутствии императорских наложниц, Ли Цунцин, будучи мужчиной, не мог находиться там, он почтительно поклонился и попросил разрешения удалиться. Император попросил его остаться, и он мог только отойти в сторону.

Принцы, принцесса и все наложницы выказывали свое уважение императору. Император взял двухлетнюю дочь на руки, два принца стояли рядом, императорские наложницы следовали за ним — вся семья, состоявшая из более чем десяти членов, относившихся друг к другу как к почетным гостям*, счастливо и гармонично наслаждалась видом весенних цветов.

[П/п: *“относится друг к другу как к почетным гостям” — взаимное уважение между мужем и женой].

Ли Цунцин наблюдал с большого расстояния. Он смотрел на нежную улыбку императора — идеальная картина семейных уз издали походила на сцену пьесы. В его сердце появилось не очень приятное чувство подавленности. Он злился на себя за это безымянное, интригующее и странное чувство. Оно было похоже на кислое, горькое, болезненное, но трудно понимаемое ощущение, как будто он хотел излить все из своего желудка.

— Господин Ли, снаружи холодно. Пожалуйста, подождите внутри, — Вэй Сяомяо подошел к нему.

— Нет, я хочу вернуться, — ответил без энтузиазма Ли Цунцин. Не принимая во внимание императорский указ остаться, он по собственной воле повернулся и ушел.

Вернувшись в Министерство обрядов, он наклонил голову, чтобы продолжить спать, но даже

спящий червь покинул дом*, ему оставалось только взять папку, над которой он работал, и внимательно изучить ее.

[П/п: *"спящий червь покинул дом" — ему совсем не хотелось спать].

В тот момент, когда два чиновника среднего ранга вернулись после окончания службы, они неожиданно увидели, что он, обычно полусонный, полностью открыл оба глаза, серьезно глядя в официальные документы. Они были так сильно удивлены, что у них чуть не отвисли челюсти. Они втайне гадали: не изменил ли свой характер наш Сонный помощник министра?

— Господин Ли, с вами что-то случилось? — спросил чиновник среднего ранга.

— Что случилось?

— Это первый раз, когда ваш подчиненный видит ваши широко открытые глаза, — добавил второй чиновник.

— Что? Неудивительно, что у меня в глазах покалывает, — отложив папку, он потер глаза, потянул талию влево и вправо, а веки сразу оказались полузакрыты: он сузил их, чтобы восстановить полусонный вид.

— Ай-йа! Почему вы снова их закрываете? Ваш подчиненный только что осознал, что у господина Ли на самом деле такие красивые глаза.

— Верно, верно. Утонченный и умный господин Ли при надлежащем рассмотрении также высок и грациозен, ярк и красив. Истинно подобающий человек с подобающими манерами!

Они оба добавляли одну строчку к другим словам, горячо хвалили его, ведя себя почти как подлизывающиеся прихвостни.

"Может быть, в обычной жизни я похож на собаку или кошку, или, может быть, у меня бычья голова и лошадиная морда*?" — Ли Цунцин забавно смеялся про себя. Он томно ответил им:

— Слишком утомительно целый день широко открывать глаза.

[П/п: бычья голова и лошадиная морда — по будд. мифологии два служителя в потустороннем мире, один с головой быка, другой — с лошадиной мордой. Образно: обозначения уродливых, отвратительных людей]

Он втянулся в непринужденную праздную беседу с коллегами-чиновниками, но в его сердце оставалось, как и прежде, неприятное чувство, которое так и не рассеялось.

Ощущение недовольства преследовало его и после, вплоть до фестиваля фонарей.

Семья Ли была такой же, как и другие семьи: во время фестиваля фонарей все, от мала до велика, выходили прогуляться по самой оживленной главной улице. Но братья и сестра, как только вышли из дома, разошлись в разных направлениях, чтобы делать все, что душе угодно.

Старший Ли Цунинь никогда не упускал возможности получить прибыль, занимаясь сезонным бизнесом. Третий Ли Цунсюань взял жену и сына на храмовую ярмарку. Что касается четвертой Ли Цунтун — никто не мог сказать, куда она пошла. Пятый Ли Цунцзы, скорее всего, был занят тем, что обманывал молодых господ. Наш достопочтенный второй Ли Цунцин мог только взять младшего брата Ли Цунбая на прогулку.

Главная улица была переполнена потоком людей, приезжие и уезжающие зеваки были словно связаны. Лошади и кареты заполнили улицу. Ли Цунцин вел за собой возбужденного младшего брата. Вся улица была заполнена разноцветными фонарями, словно ночью восточный ветер рассеял цветы с тысячи деревьев. Звук бамбуковой флейты перемещался в воздухе, красивый нефрит отражал свет, всю ночь шумел танец рыбы и дракона.

Пока он шел, его сердце не могло не трепетать. Неосознанно он остановился и поднял глаза, чтобы посмотреть вдаль — среди толпы, казалось, он хотел найти самого важного человека.

Кто был для него самым важным человеком? Качая головой, он внутренне посмеялся над собой за то, что зря нервничал. Он повернулся, чтобы продолжить прогулку и в ту долю секунды среди шумной улицы, когда толпы людей толкались и сдавливали друг друга, их взгляды случайно встретились и переплелись.

Никто не мог изменить направление его взгляда, мир стал тихим и беззвучным в этот момент.

Больше ничего не слышно — только его собственное сердцебиение и дыхание; больше ничего не видно — только человек на другой стороне. Искать его в толпе до такой степени. Внезапно подумалось... тот человек, что находится в тусклом свете фонаря... это действительно он?

— Второй брат, что с тобой? — дернул брата за руку Ли Цунбай. Ли Цунцин вернулся из Божественных областей и пришел в себя.

— Ничего.

Когда он, продираясь сквозь толпу людей, собирался уходить, его окликнули и предстали перед ним:

— Ли Цунцин.

— Третий принц, — Ли Цунцин почтительно поклонился, сложив руки на груди.

Излишне говорить, что император, любящий народ как своих детей, был одет в простую одежду, чтобы выйти из дворца. Он пришел в мир простолюдинов, чтобы порадоваться за свой народ. Несмотря на то, что он переоделся в одежду простолюдина, он все еще не мог скрыть свой самый почитаемый и уважаемый ранг. Среди обычных людей он был чрезвычайно выдающимся, превосходным и непревзойденным.

— Третий брат, не убегай так внезапно, если мы вдруг разойдемся, что ты будешь делать? — шестой принц вместе с Вэй Сяомяо и двумя телохранителями поспешно расталкивали толпу, протискиваясь к ним. Они окружили Сун Ю, охраняя его со всех сторон.

— Шестой принц, — Ли Цунцин еще раз поклонился.

— Это на самом деле вы. Какое совпадение.

Ли Цунцин внутренне усмехнулся. Это совпадение — совпадение, которое еще больше усилило пульсацию его сердца, как будто с ним играли, лишая его смелости смотреть прямо на этого человека.

После этого группа людей пошла вместе просто так.

Если действительно говорит о совпадении, то последовательность событий и впрямь оставила Ли Цунцина в недоумении, смеяться ему или плакать. Сначала они столкнулись с Ли Цунцинем, который привел людей торговать фонарями на главной улице. По цене от нескольких медных за фонарь до самых дорогих, стоимостью в несколько лянов* — у него были все. Можно себе представить, что у Сун Ю и его людей в руках оказалось слишком много фонарей, даже самых дорогих.

Год назад Ли Цунцин присутствовал на банкете Весенней церемонии, он узнал священное лицо императора, решившего не раскрывать своего божественного статуса, передал дело своим подчиненным и присоединился к группе.

[П\п: *медь и лян — валюта, используемая в то время].

После этого они столкнулись с Ли Цунцзы, который давал урок избалованному сыну богатой семьи. Они слышали его крики:

—Ты! Ребенок, родившийся только вчера, на что ты смотришь! Все еще смеешь смотреть?! Если сегодня я не избыю тебя так, что твои родители не узнают тебя, это будет чудо!

Ли Цунцин действительно хотел притвориться, что не знает его, и сделать крюк, чтобы уйти с дороги, но он знал, что у Ли Цунцзы было острое зрение — он сразу же избавился от дурака с окровавленным носом и опухшим лицом и прямо шагнул в их сторону, крича:

— Старший брат, второй брат, младший брат, наконец я нашел вас.

Лицо Ли Цунцзы, не достигшего совершеннолетия, было чрезвычайно красивым и очаровательным, светлым, как резной белый нефрит. Как только он присоединился, сразу же уже и без того слишком привлекающая внимание группа стала еще заметнее, притягивая к себе еще больше взглядов.

Следующей была Ли Цунтун, которая махала и кричала из окна винного магазина на третьем этаже:

— Старший брат, второй брат, пятый младший брат, шестой младший брат, я здесь! — сразу после того, как она закончила свои слова, она выпрыгнула из окна магазина.

Братья Ли не были ни шокированы, ни обеспокоены. Они просто позволили этой сумасшедшей девушке прыгнуть. Их лица говорили: жизнь, смерть, богатство и честь предопределены небесами, желаете ли жить или умереть — это ваше личное дело.

Напротив, Сун Сюань испугался до смерти и бросился вперед, самоотверженно раскинув обе руки, как герой, спасающий красавицу, чтобы поймать прекрасную девушку, которая была подобна фее, спустившейся с небес.

Прекрасная фея оказалась не только неблагодарной за свое спасение, напротив, ее прекрасные глаза расширились от ярости. Устно оскорбив его за вмешательство в ее дела, она превратилась в душистый и острый перец чили.

Само собой разумеется, воссоединившиеся братья и сестра радовались и поздравляли друг друга как подобает в праздник. (Что за чудо!)

Ли Цунцин безмолвно вопрошал небеса, сделав предположение, что последний, третий брат, должен появиться на сцене в ближайшее время.

Как и ожидалось, Ли Цунсюань и его семья из трех человек вскоре появились. Мимоходом они присоединились к группе.

В этой группе людей, за исключением Ли Цунцина и двух безымянных охранников, каждый мужчина был красив, и каждая девушка была очаровательна: с выдающейся внешностью и исключительной осанкой они выглядели точно, как толпа бессмертных, сошедших с картины. Еще более ослепительные, нежели фонари, они заставляли прохожих сосредоточить свое внимание на захватывающей дух группе.

Когда прекрасная жена Ли Цунсюаня увидела Сун Ю, она шагнула вперед и, крепко вцепившись в его руку, взволнованно сказала:

— Третий брат, давно не виделись!

— Ты вернулась в столицу, почему не пришла домой? — спросил Сун Ю.

— Я разорвала все связи с семьей, нехорошо приходить туда снова.

— В том году ты оставила письмо, в котором сказала, что хочешь разорвать все связи с семьей, а потом просто сбежала. Мы все еще не дали согласия, — Сун Сюань присоединился к разговору, презрительно добавив: — Ты плохая девчонка: видишь только своего третьего брата, не замечаешь шестого.

— Шестой брат, твоя младшая сестра очень скучала по тебе, — Сун Си переключилась, обняв руку Сун Сюаня и ведя себя избаловано. После этого, взяв Ли Цунсюаня за руку, она принесла ребенка, которого хотела передать Сун Сюаню. — Иди посмотри на своего племянника.

Ли Цунтун внезапно протянула руки и схватила ребенка. Ее прекрасные глаза яростно сверкнули:

— Руки и ноги этого здоровяка жесткие и грубые, я боюсь, что он причинит боль нашему маленькому милашечке.

Сун Сюань тупо посмотрел на нее, улыбаясь с немного глуповатым выражением лица, заставив Ли Цунтун дерзко ругаться:

— Почему ты улыбаешься мне с таким странным выражением?! Крайне отвратительно, меня тошнит!

Ли Цунинь втянул Вэй Сяомяо в обсуждение вопроса о расходах и экономии, надеясь воспользоваться этой возможностью, чтобы убедить главного управляющего Внутреннего дворца покупать некоторые ежедневно используемые продукты от торговой компании семьи Ли.

Ли Цунцзы время от времени с яростными замашками сердито рычал на людей, которые украдкой поглядывали на него, попутно он толкал тех, кто преграждал ему путь, пинал стулья уличных торговцев, подавлял хулиганов, осмелившихся бросить вызов его власти повелителя. Жаль, что его лицо было слишком красивым — даже если он демонстрировал такие отвратительные, мерзкие, ненавистные и свирепые манеры, то с его потрясающе красивым лицом результаты запугивания были не так хороши, как ожидалось!

Ли Цунбай подошел к нему, не переставая дергал его и говорил:

— Пятый брат, не будь таким, ты пугаешь людей.

Ли Цунцзы остановился и сказал ему:

— Это именно потому, что я хочу, чтобы они боялись этого Маленького господина... Там! Жирная мертвая свинья! Да, ты! Все еще смеешь пялиться на меня, Маленького господина. Хочешь, чтобы этот Маленький господин вырвал твои проклятые глаза?!

Ли Цунцин потерял дар речи, глядя на них и не зная, что сказать. Короче говоря, его постоянно ставили в неловкое положение, но он все еще сдерживался.

— Ваша семья очень забавная, — внезапно с ним заговорил Сун Ю.

— Заставляют смеяться над собой.

— Ваш характер, похоже, сильно отличается от остальных.

— Да. Даже внешний вид не так хорош, как у них.

— У тебя очень красивое лицо.*

[П/п: *лично мое мнение, что император перешел на более приватное обращение].

— Э-э-э?

Сун Ю внимательно посмотрел на него, повторив свои слова:

— В моих глазах ты очень хорош собой.

Ли Цунцин некоторое время тупо смотрел на него, не в силах воспринять его слова.

— Ай, второй в нашей семье на самом деле очень яркий. Если бы только у него было немного силы воли и амбиций для руководящей должности, было бы лучше, — Ли Цунинь внезапно перебил их и вмешался в разговор. — В прошлом он пострадал от меча убийцы вместо нашего могущественного, мудрого, блестящего и божественного Его Величества императора. Он должен был воспользоваться этой возможностью и быстро продвинуться по службе, заслуженно поднявшись. Но в глубине души он честен и отзывчив, не так жаден, как лев с широко раскрытой пастью. Выполнение обязанностей на небольшой должности помощника министра уже сделало его довольным.

Ли Цунцин был не в настроении проявлять интерес, он лениво вздохнул, как будто весенний ветер прошел сквозь уши лошади.

— Второй брат чрезвычайно ленив по своему характеру. Если бы не старший брат, настаивающий на его участии в императорских экзаменах, он, вероятно, стал бы ленивой свиньей, которая ест и спит, спит и ест всю свою жизнь, — тоже шумно вмешалась Ли Цунтун.

— Хм-ф! Хм-ф! Старший брат просто хотел продать своих братьев, стремясь к величию, — опроверг ее слова Ли Цунцзы.

— Твой старший брат действительно продает братьев ради величия! — Ли Цунинь сразу же стал свирепым. — Если могущественный, мудрый, блестящий и божественный Его Величество император предпочитает мужчин, я непременно заставлю брата вымыть ягодицы для него и лично презентую ему.

— Старший брат, ты очень вульгарен! — сердито сказала ему Ли Цунтун, но смеялась так сильно, будто была очень счастлива, несколько не сдержанно и робко, как обычная девушка.

— Зачем презентовать ягодицы императору? — не понял Ли Цунцзы.

— Мышь попадает в дыру в земле! — ответила Сун Си, смеясь так, что хлынули слезы.

— Тогда будет очень больно! — закричал Ли Цунцзы, прикрывая руками ягодицы.

— Будь уверен, старший брат не хочет дарить твои ягодицы в подарок могущественному, мудрому, блестящему и божественному Его Величеству императору. Ты слишком тупой. Ты не нравишься императору, — Ли Цунинь погладил его по голове, неизвестно, было ли это нарочно или нет, он продолжал безответственно бормотать: — Если даровать, то твоего второго брата. Хотя твой второй брат не так хорош собой, как ты, но его голова умнее твоей, его ягодицы также гораздо более достойны внимания, чем твои.

Ли Цунцин, наконец, не выдержал: он снова и снова закатывал глаза. Ему было совершенно лень иметь дело с этим презренным, испорченным умом недобросовестного бизнесмена. Действительно, мелет языком все подряд!

Ли Цунсюань, не произнесший ни слова от начала до конца, молчал и ничего не говорил. Его красивое лицо оставалось невозмутимым, он спокойно протянул руку ребенку, чтобы ее грызли, как куриную котлету.

Сун Сюань сдерживался, он хотел рассмеяться, но не смел.

Сун Ю оставался спокойным, на его лице не отразилось никаких эмоций, только по-прежнему была мягкая улыбка. Он не разозлился, а вместо этого почувствовал, что заинтересован до предела. С малых лет он рос в условиях строгого этикете Императорского дворца. Он никогда не слышал такой откровенной и вульгарной речи.

Еще слишком молодой Ли Цунбай не понимал грязной атмосферы непристойных разговоров. Он дернул за рукав второго брата, серьезно сказав:

— Второй брат, ты определенно обязан должным образом помочь императору стать доброжелательным и блестящим монархом.

Наконец кто-то заговорил приличной и разумной человеческой речью.

Ли Цунцин спокойно рассмеялся и сказал ему:

— Твой брат из-за этих твоих слов попытается остаться во дворце.

*****

От переводчика: Думаю, многие заметили, что семья Ли связала себя с императорской семьей не только посредством Ли Цунцина. По-моему, во второй главе было сказано, что шестой принц тоже женат на Ли. Видимо его вторая жена это та пацанка (он мазохист? Или просто нравится, когда его оскорбляют). Еще в этой части мы узнали о сбежавшей из семьи принцессе. Видимо это карма, хе-хе. Просто во время перевода всякие мысли лезут. Вот решила поделиться))

<http://bllate.org/book/15018/1327366>